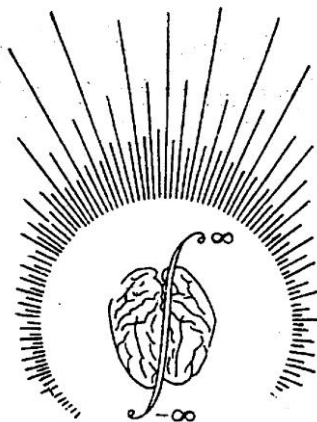

Региональный благотворительный фонд
Пропаганды отечественного научного и культурного наследия
«Гелиос»

ПОЛИГИМНИЯ ЗА КОЛОЧЕЙ ПРОВОЛОКОЙ
Научное и художественно-поэтическое творчество А.Л. Чижевского
в условиях заключения и ссылки
(1942-1958)

Д.Л. Голованов,
кандидат географических наук,
действительный член РГО,
вице-президент фонда «Гелиос»

МОСКВА
Гелиос
2018

УДК 929.52
ББК - 1

Научный редактор:

Президент фонда «Гелиос» **А.Л. Голованов**

Рецензенты:

Чл.-корр. РАН, доктор географических наук, профессор **К.Н. Дьяконов**
Доктор исторических наук, профессор **Е.Г. Смирнова**
Доктор философских наук, профессор **А.В. Водолагин**

Д.Л. Голованов

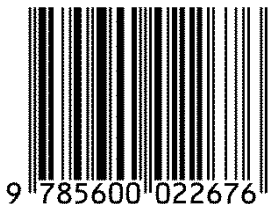
ПОЛИГИМНИЯ ЗА КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКОЙ. Научное и художественно-поэтическое творчество А.Л. Чижевского в условиях заключения и ссылки (1942-1959) / Д.Л. Голованов, А.Л. Голованов. – М.: «Гелиос», 2018. – 45 с.

ISBN 978-5-600-02267-6

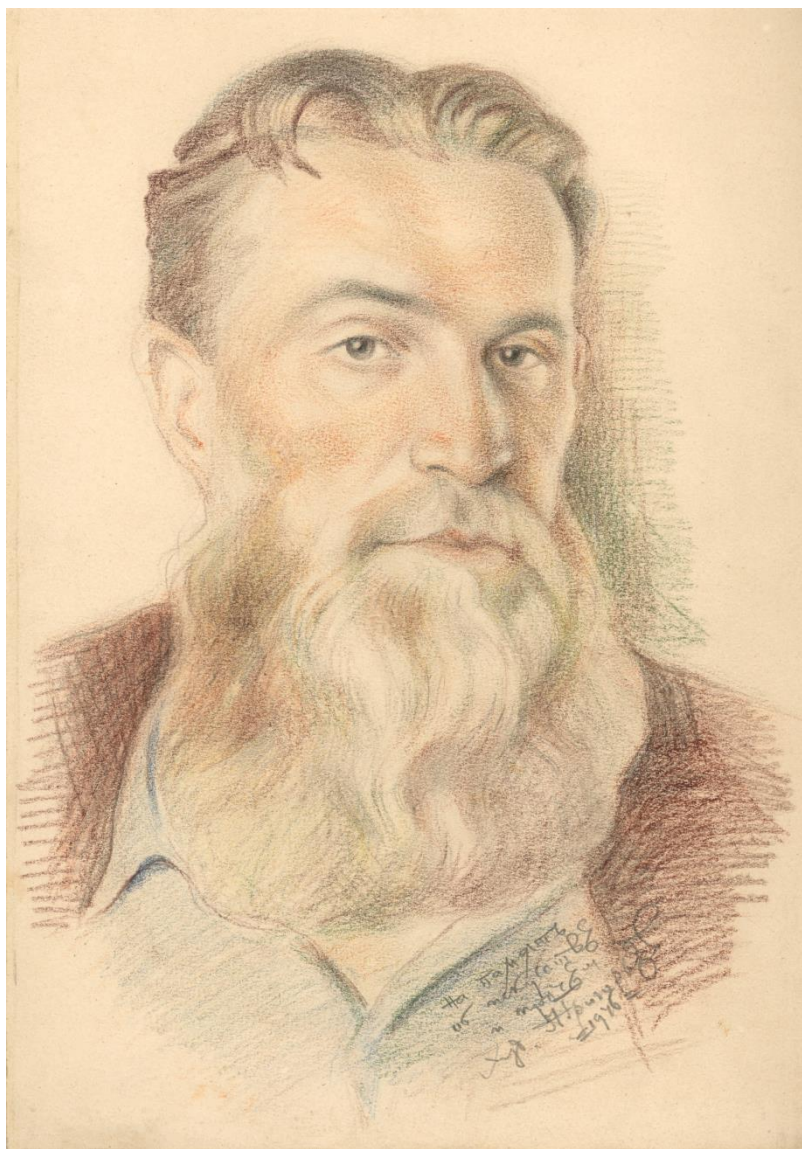
В книге приводятся ранее малоизвестные материалы о жизни и творчестве Александра Леонидовича Чижевского в период его нахождения в лагерях и ссылке (1942-1958), обнаруженные в архиве Леонида Витальевича Голованова (1932-2004), в том числе портрет А.Л. Чижевского работы заслуженного художника марийской АССР Александра Владимировича Григорьева (1891-1961).

УДК 929.52
ББК - 1

ISBN 978-5-600-02267-6

© Голованов Д.Л., Голованов А.Л., 2018.
© Фонд «Гелиос», 2018.

**А.В. Григорьев. Портрет А.Л. Чижевского.
Караганда. 1946. Бумага, карандаш.**

Оглавление

ПОЛИГИМНИЯ* ЗА КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКОЙ.....	6
ВОЛНЫ НАУЧНОГО И ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТВОРЧЕСТВА А.Л. ЧИЖЕВСКОГО. МЕСТО ВВЕДЕНИЯ.....	7
ГЛАВА 1. КАК А.Л. ЧИЖЕВСКИЙ ОКАЗАЛСЯ В ЛАГЕРЯХ?	12
ГЛАВА 2. ТАТЬЯНА СЕРГЕЕВНА ЧИЖЕВСКАЯ	16
ГЛАВА 3. ВСТРЕЧА С НИНОЙ ВАДИМОВНОЙ ПЕРЕШКОЛЬНИК (ЭНГЕЛЬГАРТ).....	19
ГЛАВА 4. «ПЛИНИЙ СТАРШИЙ», Г.Н. ПЕРЛАТОВ - ЛОБАЧЕВСКИЙ XX ВЕКА...23	
ГЛАВА 5. А.Л. ЧИЖЕВСКИЙ И А.В. ГРИГОРЬЕВ. ИСТОРИЯ ОДНОГО ПОРТРЕТА	
А.НАХОДКИ В АРХИВЕ Л.В. ГОЛОВАНОВА.	28
В.Л.В. ГОЛОВАНОВ И НАСЛЕДИЕ А.Л. ЧИЖЕВСКОГО.	28
С. АЛЕКСАНДР Владимирович Григорьев (1891-1961).	30
D. ПОРТРЕТ.	33
ГЛАВА 6. ЧТО ИЗОБРАЖЕНО НА КАРТИНАХ ЧИЖЕВСКОГО: ТО, ЧТО ОН ВИДЕЛ ИЛИ ТО, ЧТО ЧУВСТВОВАЛ?	35
ГЛАВА 7. А.Л. ЧИЖЕВСКИЙ – МУЗЫКАНТ.....	39
ГЛАВА 8. ПОЭТИЧЕСКИЕ ДОСУГИ УЧЕНОГО.....	40
«ДРУЗЬЯ МОИ! Я ВЕЧНО К ВАМ ИДУ, КАК К ИСТИНЕ ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ!» ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ.....	45
ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.....	46

Полигимния* за колючей проволокой.

***Полигимния** (др.-греч. Πολυγμνία) — в греческой мифологии одна из девяти муз. Дочь Зевса и Мнемозины. Она покровительствует **серьезной гимнической поэзии**. Полигимния хранит в памяти все гимны, она причастна священным песням, ритуальным танцам, призванным славить богов...

Имя **Полигимнии** указывает на то, что поэты приобрели созданными ими гимнами **бессмертную славу**.

Полигимния учит людей риторике и ораторскому искусству, которое **превращает оратора в орудие истины**. Она олицетворяет силу речи и делает речь человека животворящей. Полигимния помогает познать **таинство слова как реальную силу**, с помощью которой можно вдохновлять и оживлять, но одновременно ранить и убивать.

Эта сила **речи является вдохновляющей на пути к истине**.

Приставка **поли-** подчеркивает многообразие творческих интересов А.Л. Чижевского.

Волны научного и художественного творчества А.Л. Чижевского. Вместо введения.

С именем Александра Леонидовича Чижевского связывают установление взаимосвязи периодических всплесков солнечной активности с динамикой всех геосфер: атмосферы, гидросферы, литосферы и, прежде всего, биосферы (1).

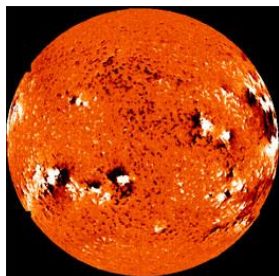

**А.Л. Чижевский на защите диссертации в Московском университете.
Февраль 1918 года.**

По оценке философа Александра Валерьевича Водолагина (2), начал Чижевский с обнаружения цикличности всемирно-исторического процесса, динамики социосферы. При этом область общественных отношений Чижевский рассматривал не как «сферу разума», ноосферу по Владимиру Ивановичу Вернадскому (3), а как «сферу неразумия»; человека не как *homo sapiens* – человек разумный, а как *homo insanus* – человек безумный. При подобном подходе историческая действительность предстает как череда психических эпидемий, «история желтого дома», в чем Чижевский, по мнению Водолагина (2), продолжает линию Александра Ивановича Герцена («Доктор Крупов»).

В сжатом, концентрированном виде свою концепцию А.Л. Чижевский изложил в стихотворении, посвященном Галилео Галилею:

Галилею

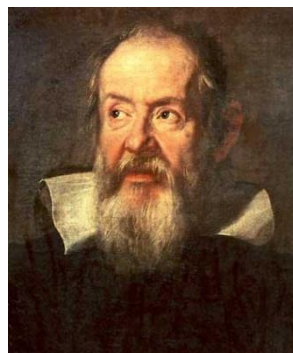
И вновь и вновь взошли на Солнце пятна,
И омрачились трезвые умы,
И пал престол, и были неотвратны
Голодный мор и ужасы чумы.

И вал морской вскипел от колебаний,
И норд сверкал, и двигались смерчи,
И родились на ниве состязаний
Фанатики, герои, палачи.

И жизни лик подернулся гримасой:
Метался компас - буйствовал народ,
А над Землей и над людскою массой
Свершало Солнце свой законный ход.

О, ты, узревший солнечные пятна,
С великолепной дерзостью своей –
Не ведал ты, как будут мне понятны
И близки твои скорби, Галилей!

Богopodobный гений человека
Не у-страшат ни цепи, ни тюрьма!
За истину свободную от века
Он борется свободою ума.

1920 г. Калуга, 1943 г. Челябинск

События последних десятилетий – массовые алогичные вспышки общественной активности с некоторым запаздыванием после активизации бурь на Солнце в 1991-1993 гг. в России и, спустя ровно 22 года, в 2013-2015 гг. на Украине – невольно подталкивают вновь обратиться к обсуждению диссертации А.Л. Чижевского «Физические факторы исторического процесса» (4), защищенной 100 лет назад в 1918 году в стенах Московского университета.

Интересно, что 22-х летний период (удвоенный 11-ти летний – согласно закону Андерсона-Хейла) прослеживается и в творчестве самого ученого (5).

Так, первый творчества – с рождения в 1897 г. до 1918-1920 года, когда смена политического строя подтолкнула к изменению направления и области исследования – составил 22-23 года.

Второй период – с 1920 года до ареста в 1942 году в эвакуации в Челябинске – связан с открытием биологической роли одной из активных форм кислорода (АФК) – отрицательно заряженного иона кислорода («аэроиона» Чижевского или супероксид анион-радикала по современной терминологии), разработкой проблем искусственной ионизации воздуха (аэроионизации).

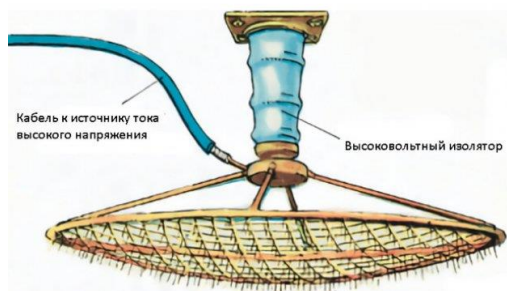
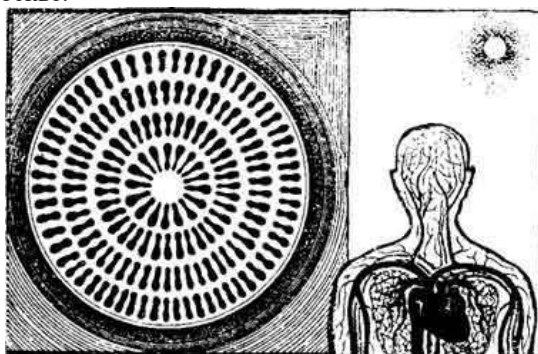

Схема электроэффлювиальной люстры. Из статьи А.Л. Чижевского «Аэроионы и жизнь». Журнал «Юный техник», 1964, №3, с. 41-46. Редактор Л.В. Голованов.

Третий период (1942-1964) ознаменован открытием структурной упорядоченности эритроцитов в кровотоке, описанием их электрических и магнитных свойств, сначала в условиях заключения на фельдшерском пункте Спаслага (Спасского отделения Карлага), затем на поселении в Караганде, а после освобождения – в Москве.

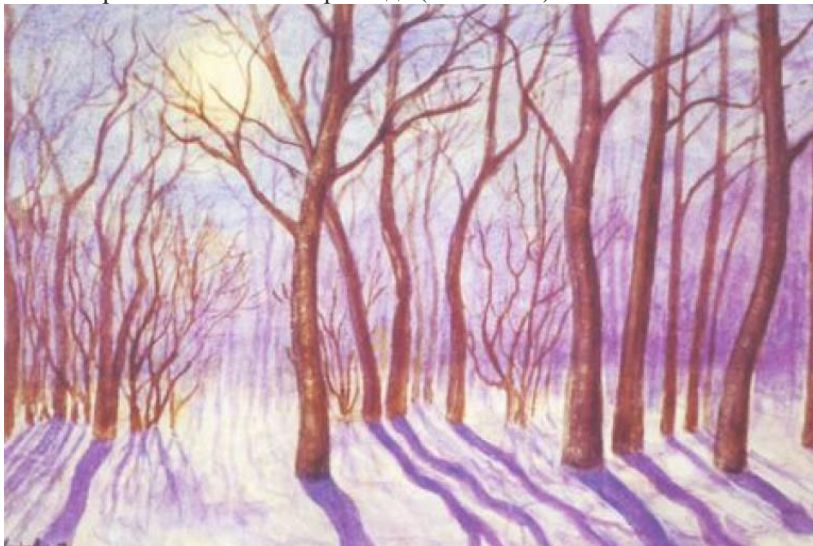

Кольца эритроцитов в кровеносных сосудах человека (по А.Л. Чижевскому)

А.Л. Чижевский – не только ученый, но и не менее талантливый поэт и художник, тонкий музыкант, владевший искусством игры на скрипке.

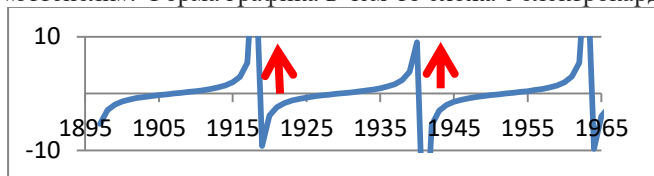
Еще один пласт творчества А.Л. Чижевского – дневниковые записи, мемуары, воспоминания, имеющие не только историческую, но и художественно-литературную ценность – еще ждет своей исчерпывающей публикации.

Всплески художественно-поэтического творчества Чижевского находятся в противофазе с естественнонаучным, рационально-логическим. И связано это не только с внутренней логикой творчества, но и с внешними обстоятельствами, препятствовавшими научной работе. Многие стихи А.Л. Чижевский перерабатывает заново в условиях заключения. Картины часто пишет для заработка, оставшись без работы, без средств к существованию — как после революции (1917-1922), так и находясь в лагерях и в ссылке в Караганде (1942-1950).

А. Л. Чижевский. Холодное Солнце. Караганда. 1948.

Форма графика творческой активности не повторяет синусоиду, а напоминает функцию с обострением, когда после подъема на максимальную высоту происходит сброс в область отрицательных значений. Точками разрыва служат переломные моменты в жизни ученого и страны: смена общественного строя (1917-1920), война (1941-1945) и арест в 1942 году, смерть и публикация в 1964 году негативной оценки работ ученого в журнале «Партийная жизнь» (6), совпавшие с завершением «оттепели». Форма графика в чем-то схожа с электрокардиограммой:

Условные волны научной активности А.Л. Чижевского (а) и кардиограмма (б).
 ▲ Пики художественно-поэтической активности.

И после смерти ученого вспышки интереса к его творчеству и негативного отношения к нему также имеют определенную периодичность (7).

МЕРА ЖИЗНИ.

Часами я сижу за препаратом
И наблюдаю жизни зарождение;
Тревожно бьется под живым субстратом
Комочек мышц - о, вечное движение.

Движение – жизнь. Сложнейший из вопросов.
Но все догадки - все, бесполезны.
Возникло где? Во глубине хаосов?
Пришло откуда? Из предвечной бездны?

Бессилен мозг перед деяньем скрытым:
Завеса пала до ее предела:
Здесь времена космические слиты
В единый фокус - клеточное тело.

Я тон усилил до органной мощи
Катодной схемой, - слышу ритмы струек:
Несуществующее, а уж ропщет!
Неявленное, а уж протестует!

Должно быть жизнь - заведомая пытка –
В зародыше предвидит истязанье:
В развертываньи жизненного свитка
Звучит по миру жгучее страданье.

Но страшны тоны сердца, и тревога
За бытие земное не случайна.
Да мера жизни - это мера Бога!
И вечно недоступная нам тайна!

Челябинск, 1943

А.Л. Чижевский. Сказка. Погоня. 1944. 5 мая. Бумага, акварель

Глава 1. Как А.Л. Чижевский оказался в лагерях?

В биографии А.Л. Чижевского удивительно не то, что он был арестован и провел 8 лет в лагерях и столько же лет в ссылке в Караганде, а то, что в условиях доносительства и подозрительности, он, дворянин, сын русского генерала, «мракобес и солнцепоклонник», так долго был на свободе, несмотря на противодействие коллег, клевету завистников! Его исследования были востребованы! Не только работы по обеспечению «горным воздухом» Дворца Советов, в состав проектной группы которого он входил, но и участие в закрытых разработках группы В.Л. Дурова по передаче мыслей на расстоянии и активному воздействию электромагнитного излучения на человека! Все же в эвакуации в 1942 году по глупому навету его арестовали.

В.Л. Дуров, А.Л. Чижевский и обезьянка Мимус

В 1931 году на высшем уровне за подписью В.М. Молотова, недавно занявшего пост председателя правительства, выходит постановление о работах А.Л. Чижевского по аэроионизации, где сообщается о том, что свое изобретение ученый дарит Советскому народу. Чижевскому выделяется лаборатория в ВИЖе (институте животноводства), он становится координатором географической сети станций по практическому внедрению аэроионизации в сельском хозяйстве. Он получает просторную квартиру на Тверском бульваре, куда переезжает из коммуналки.

**Тверской бульвар дом 8.
Дом, где получил квартиру А.Л. Чижевский в 1931 году.**

Оппонентом и завистником А.Л. Чижевского становится Борис Михайлович Завадовский – брат крупного биолога Михаила Михайловича Завадовского, занимавшийся гормональными препаратами, экспериментами по смене пола у цыплят, противник немедикаментозных подходов лечения, в частности – аэроионизации. За его подписью в центральных газетах появляются статьи **"Против научной халтуры", "Враг под маской ученого"**.

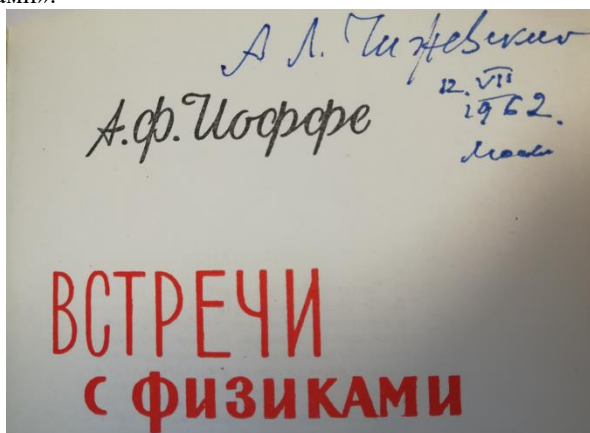

Б.М. Завадовский среди студентов Тимирязевской академии.
Фото с сайта <http://mos-holidays.ru/vystavka-rycar-nauki-v-muzee-im-timiryazeva/>

Пигмеям от науки.

Ни слог ваш, ни язык и ни обширность знаний
Так недостаточны, чтоб с гением сравняться,
Пигмеи вы пред ним, без всяких упований,
Но власть у вас в руках – и право издеваться...
Долой же ваш картуз пред гением. Долой!
Песчинкам можно ли сравняться со скалой!

Проверку работ А.Л. Чижевского проводит комиссия под председательством печально известного Андрея Януариевича Вышинского. Подпись под выводами комиссии ставит и академик А.Ф. Иоффе. Он «...подписал смертный приговор мне и всем моим работам», – пишет позднее А.Л. Чижевский на книге А.Ф. Иоффе «Встречи с физиками».

Автограф А.Л. Чижевского на книге А.Ф. Иоффе «Встречи с физиками».

ГЁТЕ

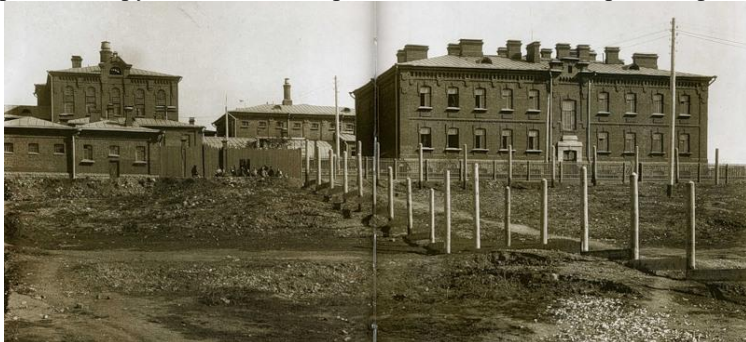
История, не думая, тебе прости:
Пороки, слабости, ошибки, заблужденья
За сверхвеличие бессмертных дел твоих.

Но лишь двух слов простить не сможет - не простит:
Кровавых слов, начертанных, как осужденье,
Тобой на смертном приговоре: «Auch ich»*.
11 апреля 1943 года. Челябинск

* «И я тоже» - нем.

Как после таких статей и таких комиссий Чижевский не только остался на свободе, но и стал работать в режимной организации – отделе по вентиляции и аэроионизации (!) проектной организации Дома Советов?! Говорят, не обошлось без личного вмешательства Сталина: «Надо еще посмотреть, враг ли он?»

Однако в эвакуации в Челябинске после очередного – третьего по счету! – доноса его арестовывают по абсурдному обвинению: будто бы по пути в Челябинск Чижевский, выходя на ночных полустанках из поезда, подавал сигналы немецким бомбардировщикам руками в белых перчатках, как бывший царский офицер.

Челябинская пересыльная тюрьма

Следователи НКВД, перед уходом на фронт (1942 год!), в спешке проводя допрос, сказали: «Сами видим, что бред! Но меньше восьми лет дать не можем». Как говорится, было бы за что – расстреляли!

СОСЕДКЕ. Нине Донской.

Не огорчайся милая соседка,
Что наша жизнь зловеща и темна
И тяжела нам каменная клетка
С железною решеткою окна.

Осилим срок и выйдем на свободу!
Знай это, жди и верь, чтоб пережить,
Бери и ешь тюремный хлеб да воду,
Читай, учись, чтоб время сохранить.

Когда вполголоса поешь ты песни
Иль быстрыми шажками пробежишь
В Лефортове, Бутырках или Пресне
Средь мертвых стен клокочет, бьется жизнь.

Челябинск, 1943

Глава 2. Татьяна Сергеевна Чижевская

Знакомство А.Л. Чижевского с Татьяной Сергеевной Толстой (по первому мужу) и женитьба на ней совпадают с периодом его взлета: престижной работой и получением квартиры.

А.Л. Чижевский и Татьяна Сергеевна Толстая-Чижевская (1931 ?).

Татьяна Сергеевна – участница агитпоездов, принадлежала к театральной богеме Малого театра и была вхожа в семью Дуровых, где и познакомилась с Александром Леонидовичем. Лето 1941 Чижевские с труппой Малого театра провели в музее А.Н. Островского Щельково в Костромской области. Здесь их застала война и необходимость эвакуации. Вот как об этом пишет сам Чижевский в стихотворении, посвященном Татьяне Сергеевне уже из Челябинской тюрьмы.

Дом-музей А.Н. Островского в Щельково.

Трудилась ты и отдыха не знала:
Весь день в работе. Много надо сделать
Полезных дел в хозяйстве нашем бедном,
Чтоб зиму обеспечить скромной пищей,

Т.С.Ч.

Уютом деревенским и теплом.
Я — фантазер, натуралист, художник,
Восторженный природы наблюдатель—
Ни в чем тебе помочь, увы, не мог:

Весь день бродил под солнцем по полянам
И наслаждался красотою красок
Да ароматом полевых цветов.
Тревожную и страшную эпоху
Переживали мы. Коварный враг
Своею поступью неумолимой

шел на Москву.

Что делать нам? Бежать или оставаться —
Грозный был вопрос —
В лесах заволжских, где тогда мы жили:
Меж Сциллой и Харибдой мы предстали.
Увы, судьба решила нашу участь—
Нам указали путь в Сибирь, в Челябинск...
В тот черный день, работой утомясь,
Дремала ты, когда я подошел,
Чтоб разбудить тебя и сообщить:
Мы едем, решено.
И сладкий сон ты, как ужаленная, прогнала
И на локте слегка приподнялась,
И ужас, да смиренный дикий ужас
В твоих глазах в тот миг отобразился,
Как будто ты увидела все то,
Что нам готовила судьбина наша.
Я содрогнулся весь и странно замер,
И ледящий холод пробежал
Вдоль тела моего, и мы молчали
В зловещем и гнетущем созерцании
Грядущих бед, которые раскрылись
На малые мгновенья перед нами.
Таинственна предчувствия природа.
Явление его неодолимо!
В одно мгновенье мы познали все,
Что будущее нам определило.
Но презрели совет благоволенья
И вещи виденья разогнали.
Поведать должен, с самого уж детства
Боялся я великого Востока и не любил его:
Невольный трепет
испытывал всегда я перед ним,
Не ведая причины той боязни;
В нем было нечто прямо от инстинкта
Или предчувствия своих судеб.
Боялся я людей земли восточной,
Ее животных, гадов, птиц, растений,
Да и сама земля меня пугала
Какой-то затаенной в недрах тайной,

Которой лучше было не касаться.
И в снах и наяву меня тревожил
Зловещий облик древнего Востока
С его глухой мистической культурой,
Проникшей в дальние пределы духа.
Не дай господь притронуться нам к тайне,
Что бедный ум осилить не сумеет.
И, глядя пристально в твои глаза,
Поколебался я в своем решении,
Но делать было нечего и сильнее наши воли
Гнали нас—в глухую бездну.
Реальный мир тот ужас отогнал.
Уж через полчаса мы весело
Вдвоем с тобой укладывали вещи—
Пятнадцать ящиков моих трудов.
Увы, быть может, никому не нужных.
И мы поплыли. И что же, что же...
Каждый новый час нам беды приносил
И каждый день тяжелые
страданья и лишения.

И каждый раз, когда мы в черных волнах
Метафизического моря—тмы тонули,
Опускаясь на дно,
Я вспоминал всегда твои глаза
И черный ужас в них отображенный.
Как ты была права!
Предчувствие тебя не обмануло,
И видения—погибшей жизни,
Страшные виденья

всецело воплотились наяву.

О! Подведем мучительный итог:
Сам я — во тьме, и казнь мне угрожает,
Ты в нищете, лишениях и муках
И, чтоб продлить мое существованье,
Ты трудишься без усталости весь день
Одна, как перст, в чужом холодном крае,
И ждешь меня и, может быть, напрасно.
Презумь моя крепка, иссякли силы
И, просыпаясь одинокой ночью
В холодной и сырой моей гробнице,
Я созерцаю смерть перед собой
И каждый раз тебя вспоминаю,
И в черноте ночей твои глаза
Сияют мне в отчаянии и страхе
Пророчеством — Пифийские глаза!

Челябинск, 1943.

Татьяна Сергеевна, как видно из стихотворения Чижевского, всеми силами поддерживала Александра Леонидовича. Но каждому господь посылает крест по его силам. В 1944-45 годах Т.С. Чижевская прерывает переписку, а в 1951 году дает Александру Леонидовичу развод.

Из тетради воспоминаний А.Л. Чижевского: *«Последнее письмо Татьяны Сергеевны я получил в Кучино. Что-то произошло в ее жизни, что она перестала интересоваться мной. Это было так понятно, что я даже не удивлялся ее молчанию. Ведь когда меня везли этапом в Казахстан, я не думал выбраться живым из сталинской душегубки, написал письмо Татьяне Сергеевне и освободил ее от каких-либо брачных обязательств. Восемь лет тюрьмы и лагерей, а затем высылка на неопределенное время (8 лет) не должны были помешать ее жизни и чем-либо ее связать! Гордиев узел был разрублен».*

А.Л. Чижевский. Метель. Бесовщина. Ивдель, 1943. Бумага, карандаш.

Долинка. Управление Карлага. Ныне музей жертв политических репрессий

Глава 3. Встреча с Ниной Вадимовной Перешкольник (Энгельгардт).

Встреча Александра Леонидовича и Нины Вадимовны Энгельгардт – на тот момент по первому мужу Перешкольник – красочно описана талантливой журналисткой Виолеттой Баша в повести «Гулаговские Мастер и Маргарита. Тюремный роман» (8).

Вот как описывает эту встречу в Долинке («столице» Карлага) в ДК лагерной самодеятельности в тетради воспоминаний сам Александр Леонидович Чижевский:

«Когда мы вошли в костюмерную, там было несколько женщин. Мы подошли к Вале Богдановой, Антонине Ивановне Ивановой, Полине Никитиной, Екатерине Александровне, Нине Вадимовне и Марине Осиповне. Конечно, сразу запомнить всех по именам, отчествам и фамилиям было трудно. Да никто и не собирался это делать. Прожить в тюрьме и лагере почти без женского общества было большим испытанием для мужчины.

**Зал художественной самодеятельности заключенных.
Музей Карлага. Долинка, Казахстан.**

Мы не снимали пальто, так как в комнате было холодно, да и все дамы были тепло одеты – все были в телогрейках, а некоторые даже в ватных рейтузах. Нина Вадимовна курила огромную козью ножку, облокотясь на небольшое трюмо.

Художественным руководителем была Нина Вадимовна. Вопрос об ее отчестве вызвал нас к неожиданному разговору. Она первая заметила, что плечо моего черного драпового пальто была в одном месте задета за гвоздь и слегка надорвана. Она вызвалась его тут же заштопать и, взяв иголку и

черную нитку, принялась за работу. Когда же работа была окончена, я поцеловал ее ручку и поблагодарил:

- Спасибо Вам, Нина Владимировна!

- Пожалуйста, - ответила она, - только я не Владимировна, а Вадимовна

- Простите, Нина Вадимовна. Это мне легче запомнить, так как одного моего родственника звали Вадим Платонович...

- Вадим Платонович? - быстро переспросила она, бледнея.

- Да, - сказал я, - Вадим Платонович Энгельгардт.

- Это мой отец, - тихо сказала она.

- Смоленские? - спросил я.

- Да!

- В таком случае, мы знакомы с 1915 года и даже доводимся свойственниками.

Это было очень радостно. Из дальнейшего разговора выяснилось, что у нас было очень много не только близких знакомых, но и родственников или свойственников, как например большие семьи Лесли и Глинок. Словом, с тех пор мы крепко подружились, и я ежедневно стал бывать в клубе».

Н.В.Э

(Нине Вадимовне Энгельгардт)

Когда я уходил в безбрежность
По сжигающим пескам пустыни
Ты принесла мне сердца нежность,
И чистые духа святости.

Вокруг неистовствовала геенна,
Огонь опалил ресницы и веки,
Ты одна - благословенна
В душе моей - отныне - навеки.

Изуродованный, ничего не вижу,
Не слышу и не понимаю;
Только чувствую: ты ближе и ближе,
Ты - весь мир мой до самого края.

Долинское, 1946

А.Л. Чижевский и Н.В. Чижевская
за работой в своей квартире № 8
на Звездном бульваре, дом 12. 1963 год.

Эта встреча стала решающей в дальнейшей судьбе не только самого А.Л. Чижевского, но и его наследия. Встреча людей одного круга и мировосприятия, придавшая смысл дальнейшей жизни и совместному творчеству.

Нина Вадимовна, прошедшая «лагерные университеты» еще в 1920-х годах на Соловках, участница лагерной самодеятельности, медсестра, пользовавшаяся уважением не только политзаключенных, но даже и уголовников, сумела отстоять у последних «бороду» Чижевского, разыгранную ими в карты. А бороду могли поставить на кон и с головой!

И в 1964 году (год смерти А.Л. Чижевского) она вновь встает на защиту его имени после пасквильной публикации «новыми инквизиторами» статьи «Темные пятна на солнце науки» в журнале «Партийная жизнь». Она собирает вокруг себя круг единомышленников – продолжателей дела А.Л. Чижевского, организует комиссию по проверке и опровержению статьи. Во главе комиссии – вице-президент АН СССР, председатель философского общества СССР, историк и философ науки Бонифатий Михайлович Кедров. Вокруг Нины Вадимовны молодые тогда люди, которые на многие годы становятся пропагандистами различных аспектов наследия А.Л. Чижевского: астрофизик Борис Михайлович Владимирский, филолог, литературный критик Владимир Иосифович Безъязычный, инженер, журналист, позднее – кандидат философских наук Леонид Витальевич Голованов и многие другие.

Опровержение статьи вышло на страницах журнала «Партийная жизнь» уже в марте 1965 года (исключительный случай в партийной журналистике!). На рубеже 1960-1970-х годов по инициативе Н.В. Чижевской и при активной поддержке ещё одного вице-президента АН СССР, председателя МОИП, академика Александра Леонидовича Яншина организуются чтения памяти А.Л. Чижевского.

Н.В. Чижевская и Л.В. Голованов (справа) на чтениях памяти А.Л. Чижевского. 1969 год.

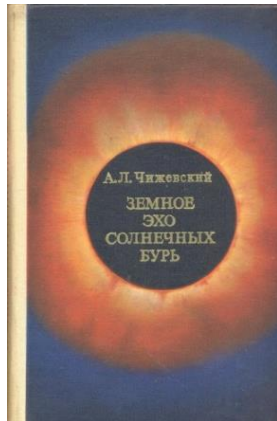
Выходят два издания «Земное эхо солнечных бурь» - этого «манифеста космического естествознания». Издаются «Электрические и магнитные свойства эритроцитов» (1973), «Биофизические механизмы реакции оседания эритроцитов» (1980). Рукописи А.Л. Чижевского передаются в архив АН СССР (ныне архив РАН). Нина Вадимовна совместно с Карагандинским искусствоведом Галиной Ивановной Лаврентьевой в 1980 году проводит выставку акварелей ученого в Караганде.

Мемориальная доска на доме Чижевских в Калуге. Установлена по инициативе Н.В. Чижевской в 1972.

«Земное Эхо солнечных бурь» 1973 и 1976 гг. Подготовлено к изданию Н.В. Чижевской.

В это же время, в 70-е годы, Нина Вадимовна передает в Тамбовский музей истории медицины его организатору – **Якову Иосифовичу Фарберу** люстру Чижевского с источником питания и некоторые фотографии и материалы из архива. Первый в России музейный зал Чижевского в Тамбове и ныне активно пропагандирует наследие А.Л. Чижевского.

По инициативе **Н.В. Чижевской** в 1972 году на доме Чижевских в Калуге устанавливается мемориальная доска. Значительная часть картин Чижевского передается в Краеведческий музей Калужской области.

Все это послужило основой организации в Калуге сначала сектора А.Л. Чижевского в составе Государственного музея истории космонавтики (ГМИК) имени К.Э. Циолковского, а затем и Дома-музея Чижевского (2010); предпосылкой установки в Калуге в 2012 году первого в России памятника А.Л. Чижевскому.

Случайное совпадение или предопределение, но руководителем Дома-музея А.Л. Чижевского в Калуге стала Людмила Теобальдовна Энгельгардт (9) – однофамилица Нины Вадимовны, лично её знавшая. Совпадение фамилий облегчило взаимопонимание и обусловило взаимное доверие.

Людмила Теобальдовна Энгельгардт
Руководитель дома-музея А.Л. Чижевского в Калуге (отдел
Государственного музея истории космонавтики им. К.Э. Циолковского)

В Сорбонне, в музее научной славы барельеф Чижевского находится уже с 30-х годов. Признание пророка происходит и в своем Отечестве! И все это благодаря его светлой (а не «пифийской») музе – **Нине Вадимовне Чижевской-Энгельгардт!**

Памятник А.Л. Чижевскому в Калуге. Установлен 20 декабря 2012 года по инициативе президента общества «Гелиос» (Калуга) Г.И. Ловецкого.

Глава 4. «Плиний старший». Г.Н. Перлатов - Лобачевский XX века.

К работам по крови А.Л. Чижевский привлекает математика **Георгия Николаевича Перлатова** (1917-1979). Перлатов в июне 1949 г. прибыл в Спасский лагерь Карлага – этого «государства в государстве» – и был подключен к работам А.Л.Чижевского. В 1964 г. Александр Леонидович пишет: *«Будучи в заключении и работая со мной в клинической лаборатории Спасского лагеря, Г.Н. Перлатов помог мне в создании новой ветви изучения крови — динамической гематологии»*. Георгий Николаевич помог проникнуть А.Л.Чижевскому «в глубокие пласты биопроцесса» своим профессионально-грамотным применением математики к исследованию биологических явлений. (Настоящая брошюра предваряет издание совместного труда по гематологии двух узников – Перлатова и Чижевского).

Приведем фрагмент, посвященный Г.Н. Перлатову, из книги «Жить гению в цепях не надлежит» (9) Елены Лазаревны Прасоловой (1946-2009) – профессора, доктора педагогических наук, организатора первого в стране кабинета-музея А.Л. Чижевского в Калужском университете имени К.Э. Циолковского. В названии книги использована цитата стихотворной строчки А.Л. Чижевского:

* * *

Жить гению в цепях не надлежит,-
Великое равняется свободе,
И движется вне граней и орбит,
Не подчиняясь людям, ни природе.

Великое без Солнца не цветёт:
Происходя от солнечных истоков,
Живой огонь снопом из груди бьёт
Мыслителей, художников, пророков.

Без воздуха и смертному не жить,
А гению бывает мало неба:
Он целый мир готов в себе вместить,
Он, сын Земли, причастный к силе Феба.

Калуга, 1921

«Перлатов. В 1941-м я окончил механико-математический факультет Киевского университета и был оставлен в аспирантуре при кафедре теории функций. По причине войны прием в аспирантуру был прекращен, и я, будучи освобожденным от военной службы по состоянию здоровья, с 1 сентября 1941 г. начал работать преподавателем математики в средней школе г. Киева. Эвакуироваться не смог по

семейным обстоятельствам и был вынужден остаться и работать в оккупированном Киеве.

В июле 1944 г. был арестован по обвинению в сотрудничестве с фашистами (которое состояло только в том, что я должен был работать, чтобы не умереть с голоду). Был осужден на 10 лет исправительных трудовых работ по статье 54-1-а. Первые полтора года отбывал срок на Урале, потом три с половиной года на Северном Урале, а последние 5 лет - в Казахстане, в поселке Спасск. Александр Леонидович подключил меня к работе по исследованию структурного анализа движущейся крови. По результатам этих исследований была подготовлена в соавторстве книга с таким же названием, которая вышла в издательстве «Медгиз» в 1959 году.»

Плиний Старший

(Г.Н. Перлатову)

Ты скипетр нес природы изученья
И созерцал торжественно один
Как погибали в лаве изверженья
Помпея, Геркуланум и Стабин.

Ты наблюдал за свистопляской фурий
И не закрыл внимательнейших глаз,
Когда в тебя ниспровергал Везувий
Кипящий дождь и ядовитый газ.

Ты устоял пред бредом бездны черной,
Глядел в нее, не отвратив лица:
Познания Гений - истинный ученый
Был на посту до смертного конца.

1944-1950. Челябинск-Ивдель-Караганда.

О дальнейшей судьбе **Г.Н. Перлатова (на фото)** пишет калужский биограф А.Л. Чижевского кандидат педагогических наук Ольга Владимировна Семочкина (Панферова):

«В конце жизни А.Л. Чижевский опять оказался связанным со зданием на улице Каракозова (ныне пер. Воскресенский), где уже находился педагогический институт имени его старшего друга – К.Э. Циолковского. Здесь в конце 1950-х – 60-х годах читал курсы «Основы математической логики» и «Основы теории вероятностей» Перлатов Георгий Николаевич. Он, как и А.Л. Чижевский, – узник лагерей.

Велика сила случайности: именно в Калугу Г.Н. Перлатов приехал после освобождения из лагеря в 1957 г., а Александр Леонидович в 1958 г. переехал жить из Караганды в Москву. Они стали часто встречаться. Георгий Николаевич не раз засиживался до глубокой ночи у А.Л. Чижевского в Москве. Любил и Александр Леонидович бывать у Перлатовых во время приездов в Калугу. Им ученый подарил 2 тетради стихотворений и 10 картин. В увековечении памяти А.Л. Чижевского большой вклад и Г.Н. Перлатова.»

Вот, что ответил Георгий Николаевич Перлатов **Елене Лазаревне Прасоловой** (на снимке), коллеге по педуниверситету, организатору первого кабинета-музея А.Л. Чижевского на вопрос о том, что сближало его с Чижевским:

«Во-первых, это научные интересы. Во-вторых, меня привлекали в нем мягкость, чувствительность, но одновременно стойкость в убеждениях. В этих чертах его характера есть какое-то сходство с Герценом.

В лагере он читал свои стихи. У меня бережно хранится тетрадь с записями стихов тех лет Александра Леонидовича. В поэзии он отражал движение самой природы.

Эгодисперсия – полное растворение, слияние с природой, как у Тютчева».

О беспредельном этом мире
В ночной тиши я размышлял,
А шар земной в живом эфире
Небесный свод круговращал.

О, как ничтожество земное
Язвило окрылённый дух!
О, как величие родное
Меня охватывало вдруг!

Непостижимое смятенье
Вне широты и долготы,
И свет, и головокруженье,
И воздух горной высоты.

И высота необычайно
Меня держала на весу,
И так была доступна тайна,
Что я весь мир в себе несу.

Там, притаившись на мгновенье
В испуге свёрнутым клубком,
Трепещут тени, как виденье,
И снова катятся, как ком!

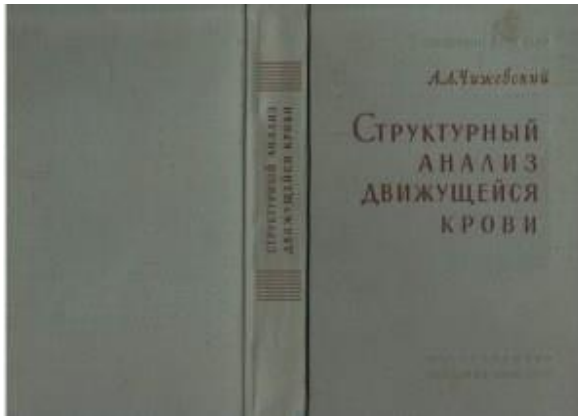
Они летят стремглав в низины,
Вытягиваются и дрожат,
Врезаясь в чащи и стремнины,
Тревожа сон нагорных стад.

А солнце гонится за ними
Всё дальше, глубже, в тьму долин,
Вбивая стрелами своими
Во мрак победоносный клин.
Туман редее вдоль потока,
И тени мечутся на нём,
Как бы прибежища у рока
Ища меж влагой и огнём.

Но луч всесветный, всемогущий,
Разящий в мраке и во мгле,
Влетит в последние их кущи
И тени пригвоздит к земле!

Калуга (1917), Караганда (1944???)

Без **Георгия Николаевича Перлатова** (этого «Лобачевского XX века») не было бы столь математически изящных трудов Чижевского по крови. Г.Н. Перлатова следует считать соавтором книги «Структурный анализ движущейся крови». Но его имя не появилось на обложке, т.к. к моменту выхода книги с него еще не сняли судимость!

Глава 5. А.Л. Чижевский и А.В. Григорьев. История одного портрета.

а. Находки в архиве Л.В. Голованова.

Среди материалов А.Л. Чижевского, хранящихся после ухода из жизни Н.В. Чижевской (1903-1982) в семейном архиве Л.В. Голованова (1932-2004), в 2015 году обнаружен портрет А.Л. Чижевского работы художника А.В. Григорьева, датированный 1946 годом. Почему он здесь? Кто такой А.В. Григорьев?

б. Л.В. Голованов и наследие А.Л. Чижевского.

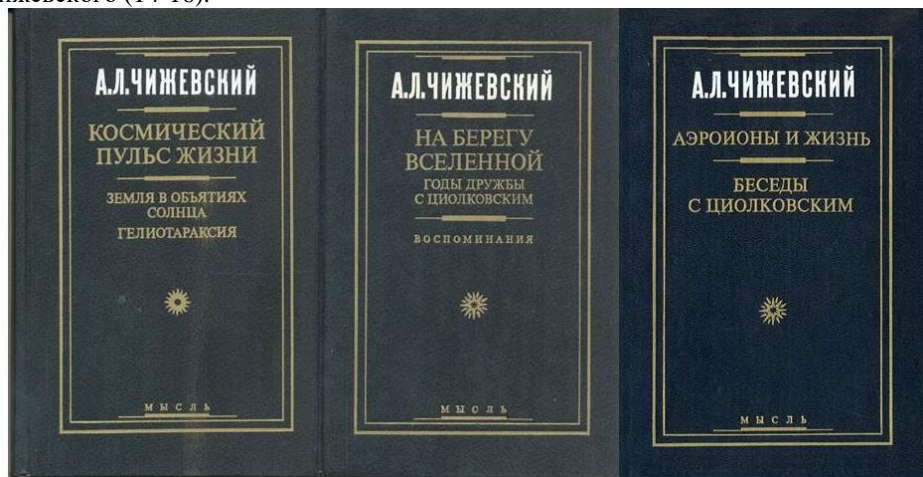
Отсутствие у Н.В. Чижевской прямых наследников заставило ее задуматься о том, кто продолжит ее миссию по публикации и пропаганде наследия А.Л. Чижевского? Это не могла быть коллективная ответственность «комиссии по разработке научного наследия А.Л. Чижевского». Выбор пал на Леонида Витальевича Голованова, которого А.Л. Чижевский в своих дневниках называл «журналистом экстра-класса» и своим биографом, о чем сам Голованов тогда еще не подозревал...

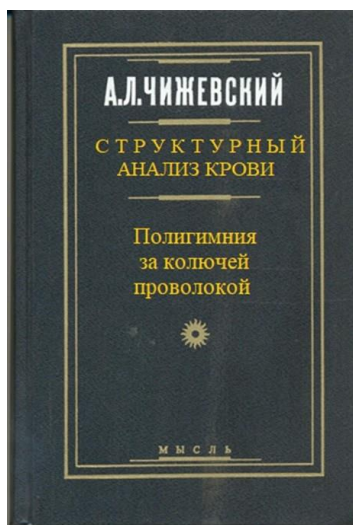
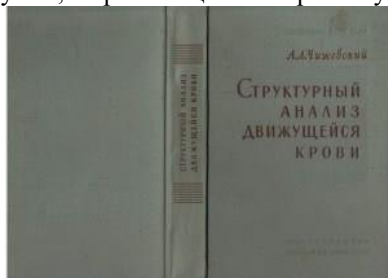
**А.Л. Чижевский, Л.В. Голованов, Н.В. Чижевская
в квартире 8 на Звездном бульваре 12.**

И Л.В. Голованов вполне оправдал чаяния Нины Вадимовны и Александра Леонидовича. Многочисленные биографические сюжеты, разбросанные по периодическим изданиям, значительно помогли В.Н. Ягодинскому собрать книгу «А.Л. Чижевский» (13). Первопубликации статей «А.Л. Чижевский» за подписью Л.В. Голованова в фундаментальных энциклопедических изданиях стали эталоном научных и научно-философских оценок ученого, вновь ввели имя ученого в научный оборот.

В 90-е годы Л.В. Головановым были опубликованы 3 тома сочинений А.Л. Чижевского (14-16).

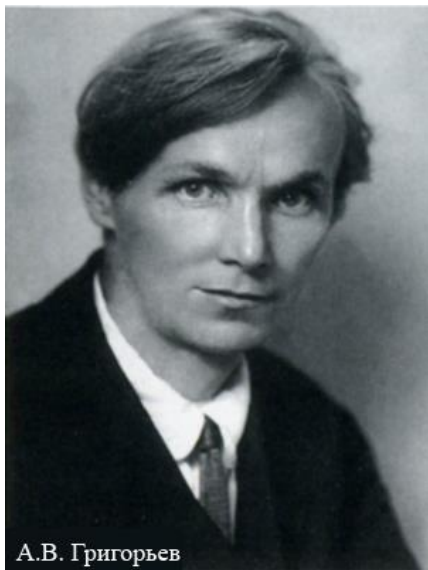
«Полигимния» – продолжение миссии Л.В. Голованова, исполнение задумки, на реализацию которой ему не хватило времени и сил.

Ожидающие переиздания труды А.Л. Чижевского по крови, выполненные на поселении в Караганде и в лагерном фельдшерском пункте Карлага.

с. Александр Владимирович Григорьев (1891-1961).

Сын сельского учителя, выпускник Казанского художественного училища (1912-1915) и Московского училища живописи, ваяния и зодчества (1915-1918), Александр Григорьев был одним из первых профессиональных марийских художников.

А.В. Григорьев

А.В. Григорьев

**А.В. Григорьев
с женой Е.Г. Григорьевой.**

Григорьев стал первым председателем Ассоциации художников революционной России (АХРР) (1923-1927). В разные годы он – инспектор по изобразительному искусству Наркомпроса РСФСР, ученый секретарь Главмузея Наркомпроса РСФСР, член правления Государственной Третьяковской галереи, художественный редактор Госиздата, заведующий художественным отделом Музея Революции СССР, председатель Союза Советских художников (ССХ) (1929 - 1932), директор художественного управления «Всехудожник» (1933 -1936).

В ноябре 1938 арестован. Решением особого совещания НКВД он осуждён на 8 лет заключения; наказание отбывал в Карагандинском лагере. После освобождения до реабилитации в 1954 жил в Тарусе Калужской области (опять Калужская земля!). Похоронен на Новодевичьем кладбище.

За что арестован А.В. Григорьев – не просто сторонник Советской власти, а активный советский общественный деятель? Существует несколько возможных объяснений.

Во-первых, до революции, как и большинство сельской интеллигенции, А.В. Григорьев был сторонником левых эсеров.

Во-вторых, при установлении Советской власти на Волге, провозглашении Марийской республики, он был противником учреждения столицы республики в Йошкар-Оле, на чем настаивали «луговые марийцы» левобережья Волги. Григорьев был сторонником столицы «горных марийцев» – родного ему правобережного Козьмодемьянска. Для устранения этого конфликта он был отозван в Москву.

**Козьмодемьянский исполком, 1918 г.
А.В. Григорьев сидит крайний слева**

В-третьих, не была выполнена миссия «возвращения» И.Е. Репина в Россию из Финляндии, провозгласившей независимость. Семья Репиных в своей пригородной Санкт-Петербургской усадьбе «Пенаты» неожиданно для себя оказалась в эмиграции. Григорьев с группой художников (И.И. Бродским, Е.А. Кацманом и другими) не сумели убедить Репиных переехать в Россию. Сыну Репина – Юрию – предлагали не останавливаться на выразительном портрете «Петр Первый на Полтавской битве» и написать портрет И.В. Сталина. Тот отказался от заказа и не поехал в СССР. И, думаю, не пожалел, узнав, что самого руководителя группы, добивавшегося репатриации Репиных, постигла печальная участь. Хотя судьба не была благосклонна к Юрию Ильичу и вне Родины...

И наконец, в-четвертых, как ученый секретарь Главмузея Наркомпроса РСФСР А.В. Григорьев непосредственно подчинялся руководительнице Главмузея – Н.И. Седовой (Троцкой) – второй жене «демона революции». В жерновах политической борьбы этого было более чем достаточно для ареста, несмотря на полную лояльность А.В. Григорьева.

Октябрь 1917.

Как раньше жили мы –
Нельзя так больше жить:
Среди полночной тьмы
Безумию служить.

Пусть они придут,
Рабы и дикари,
и факелы зажгут
И чистят до зари.

Ночь будет жгуче зла
До пояса в крови,
Испепелит дотла
Все алтари любви.

Разружьте ж мир-обман
Насилья и пыли,
Неведомые нам
Хозяева Земли!

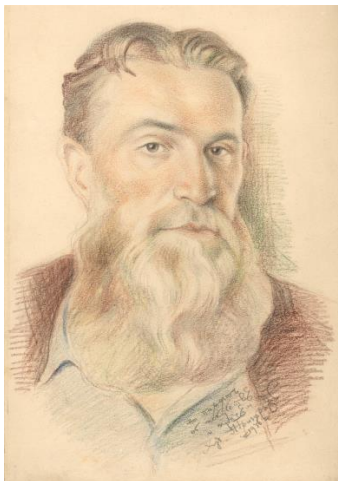
1917 г. Калуга

**А.В. Григорьев. Эффект электрификации.
Москва, 1937. Холст, масло.**

d. Портрет.

1946 год – окончание срока заключения для А.В. Григорьева и середина срока – для А.Л. Чижевского. И этим годом датирован портрет А.Л. Чижевского.

**А.В. Григорьев. Портрет
А.Л. Чижевского. Караганда.
1946. Бумага, карандаш.**

**Тюремная фотография
А.Л. Чижевского. 1949 (1946 ?).**

По портрету видно, что нашли друг друга две взаимно созвучные творческие личности: ученый, дворянин Чижевский и сын сельского учителя, первый профессиональный марийский художник – **Александр Владимирович Григорьев**. Этот портрет очень похож на лагерную фотографию А.Л. Чижевского, но здесь мы видим живое, доброжелательное лицо ученого, в отличие от мрачного взгляда на лагерной фотографии. Существует мнение, что рисовался портрет с фотографии. Не исключено, что фотография использовалась, как вспомогательный материал. Трудно себе представить, чтобы два заключенных, вместо того, чтобы выполнять каторжные работы спокойно сидели: один позировал, второй рисовал! Но о личном общении свидетельствует надпись на портрете:

«На память об искусстве и прочем... Худ. А. Григорьев. =1946=».

Из воспоминаний А.Л. Чижевского (1964): *«В художественной мастерской я познакомился с известным русским художником Александром Владимировичем Григорьевым, которому уже тогда шел 55-й год.*

Он тогда же сделал мой портрет цветным карандашом, и этот портрет я храню до сих пор. Милейший человек, Александр Владимирович был очень доволен моими картинами и всюду рекламировал их.

- Ваши колористические пейзажи стоят больших денег... Не у нас, конечно. Вот этот этюд – это же мировая ценность», - говорил он».

Обнаружение в архиве Л.В. Голованова неизвестного ранее портрета ученого, написанного в Караганде, а также картин самого Александра Леонидовича, послужило толчком к организации выставки картин и портрета Чижевского в 2016 году в Казахстане (18) и в ближайшем будущем – в Москве, Калуге, Тамбове и родном для А.В. Григорьева Козьмодемьянске.

Выставка картин Чижевского в Карагандинском областном музее изобразительного искусства. Караганда. 2016.

Выставка акварелей А.Л. Чижевского. Караганда. 1980.

Глава 6. Что изображено на картинах Чижевского: то, что он видел или то, что чувствовал?

Кроме портрета А.Л. Чижевского в архиве Л.В. Голованова хранятся некоторые картины ученого, написанные в условиях заключения.

По стилю А.Л. Чижевский был близок импрессионистам. Учился он во Франции в начале XX века, выезжая с тетей О.В. Лесли на каникулах на лечение, у Гюстава Нодье, ученика знаменитого Эдгара Дега. В некотором отношении он подражал Уильяму Тёрнеру, которому даже посвятил отдельное стихотворение:

ПЕЙЗАЖ (Уильяму Тёрнеру)

Бездны неба, дали и пространства,
Беспредельности морей и света
И поющие лазурью стансы
Красками объятого поэта.
Магия незримых переходов
Мглы туманной над землей весенней,
Огненное золото заходов,
Музыка тончайших светотеней.
Взять, что никогда неуловимо,
Удержать, что в мановенье ока
Изменяется непостижимо
С запада до крайнего востока.
Что играет в хлестких волнах моря
Многорадужной своей игрою,
Облакам и волнам моря вторя
И пучины под лазурью роя.

1943 г. Ивдель

А.Л. Чижевский. Морская даль. 1944.

А.Л. Чижевский. Склоны гор. Ивдель. 1943.

Картины отчасти являются точными зарисовками с натуры («Радуга», «Уральская тайга»), что помечено самим автором. С другой стороны, они отражают внутреннее психологическое (иногда «психопатологическое») состояние художника. Известны методы психиатрической диагностики состояния больных по рисункам. А нахождение в заключении не может не отражаться на психике человека! Кроме того, рисование – один из методов преодоления психических заболеваний, перестройки психологического состояния.

Безумие

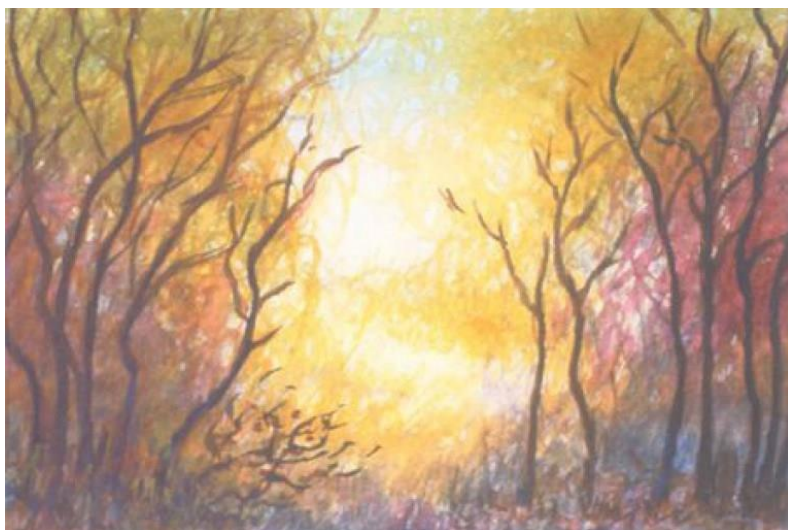
Неверный мир, где все необычайно
Искажено для бодрствующих глаз,
Где каждый шорох поражает нас,
Где каждый блик встает пред нами тайной.
И мы глядим на произвол случайный
Незримых сил - и слушаем рассказ,
Но проблеск есть - и приступы гримас
Коробят мозг, на миг один бескрайний.
Повсюду - тьма. Безгласно все кругом.
Все беспредельности объаты мертвым сном.
О, дух, родись во мраке ночи вечной.
Летят шары по бездне бесконечной.
Ответа нет. Решенье не дано.
Во тьму глядит Безумие одно.

А.Л. Чижевский. Причуды ночи. Челябинск. 1943.

На первом этапе (в Ивдельлаге) среди картин преобладает тема заката, сумерек. После освобождения на поселении – рисунки наполнены светом.

Закрученность линий нередко передает сумбур внутреннего состояния. Четкие контуры и спокойные цвета – отражают внутреннюю гармонию.

А.Л. Чижевский. И снова осень. Караганда 1954.

Чижевский редко писал «программные», тематические произведения, но некоторые - «Бесовщина», «Голгофа» – вполне соответствовали его тогдашнему мироощущению.

Любопытна тематика двух его картин зимы 1953 в Караганде: «Дружина перед боем», «Осада крепости». Может показаться, что это зарисовки на исторические темы. Совсем по-другому оцениваешь эти сюжеты, если предположить, что А.Л. Чижевский передает настроение в Карлаге (а он уже на поселении, вне лагеря) перед Кенгирским восстанием 1954 года! Восстанием, жестоко подавленным с использованием танков и артиллерии уже при Н.С. Хрущеве.

В изгнани крепнут убежденья:
Мужайся духом, кто гоним!
За кровь, за пытки, за гоненья
Врагам сторицей воздадим.

Застенок породит застенок,
Тюрьма – стостенную тюрьму.
И мир погибнет за бесценок
В братоубийственном дыму.

1917, Калуга

А.Л. Чижевский. Осада крепости. Караганда. Февраль, 1953.

Глава 7. А.Л. Чижевский – музыкант.

Оказавшись в заключении без привычных научных занятий, А.Л. Чижевский с ностальгией вспоминает о своих музыкальных увлечениях, о скрипке, которую он продал в 20-е годы для возможности продолжать научные исследования.

Моя скрипка

Ее любовно сотворил
Скрипичный мастер Давид Техлер,
Он часть души в нее вложил:
И вот, она звучит, как эхо.
Как эхо отдаленных дней
Под италийским небом синим,
Где откровенней и ясней
Поют сердечные святыни.
Она изящна и легка -
За триста лет не раскололась;
Ее улучшили века:
Стал глубже тембр, полнее голос.
А форм девичьих аромат,
Благоуханье канифоли
Непостижимое творят,
Волнуют сладостно, до боли.
Ее поверхность, как атлас,
А дека – розовое тело,
Бесстрастием пленяет нас
Пока душа не заалела.
Она как женщина нежна,
Слегка кокетлива, капризна,
И как ревнивая жена,
Порою полна укоризны.
За много лет сдружились мы,
И обоюдно полюбили,
И вот, из отдаленной тьмы
Звучат трагические были.
Ее Липинский обучал,
Смычком касался Паганини
И ураганы излучал
Из недр насыщенной святыни.
Ее сопровождал Шопен,
Артист болезненно-печальный,
Когда, среди жизненных измен,
Свершал свой подвиг музыкальный.
Она видала грозный час
Почти убийцей стал Липинский,
Но Паганини не угас

Божественный и сатанинский.
Свидетель! Страшные дела
Восстанови в своих звучаньях,
Но повесть нежная светла
О человеческих страданиях.
Мне было лишь двенадцать лет,
Когда тебя, о, дар чудесный,
Перстами тронул твой поэт
Наивный, робкий, безызвестный.
С тех пор... о, сколько я любил
Прекрасных девушек и женщин,
О, сколько счастья пережил,
Увы, и горестей - не меньше.

Когда пылающим огнем
Терзала сердце мне утрата,
Преображались мы вдвоем
В пьяниссимо иль пичикатто.
Простертый на земле ничком
С душой в распаде и в разрухе
Я брал тебя - и под смычком
Рождались огненные звуки.
И вместе с ними воскресал
Мой дух в пленительных надеждах,
Я верил в будущность - вставал
В неувядающих одеждах.
Я забывал земную боль
И, страстным звуком ободренный,
Срывал томящую юдоль
И шел вперед непобежденный.
Где ты теперь, мой старый друг?
Кто тебя держит и ласкает?
Кто свой сжигающий недуг
В твои звучанья облакает?

А я... судьбиною согбен,
Сквозь сумрак бедствий и лишений,
Порою слышу нежный звук
Твоих бессмертных утешений.

Челябинск, 1943.

Глава 8. Поэтические досуги ученого

Характеристику поэтическому творчеству А.Л. Чижевского давали филологи, философы, культурологи (В.И. Безъязычный, В.Ю. Троицкий, Н.В. Садовская, В.В. Байдин, Е.Е. Звонова и др.).

**Л.В. Голованов и В.И. Безъязычный,
составитель первого сборника стихотворений А.Л. Чижевского. 1987 г.**

Приведем выдержки из одноименного (*Поэтические досуги ученого*) предисловия **Л.В. Голованова** к сборнику стихотворений А.Л. Чижевского, ожидающему публикации.

«С раннего детства А.Л. Чижевский полюбил музыку, поэзию и живопись, и любовь эта с течением времени приобретала в нем все более страстный характер. Специфика его индивидуальных черт, обстоятельства, в которых он вырос, способствовали тому. Уже в 3-4 года он знал наизусть несколько маленьких русских, немецких и французских стихотворений. К зрелому возрасту его память была переполнена многими сотнями поэтических произведений как на родном, так и на главных европейских языках.

Стихи были его тайной страстью, которую он ревниво оберегал от чужих взоров. "Когда меня спрашивали, люблю ли я стихи, я конфузился,- вспоминал он в

конце жизни,- когда заговаривали в моем присутствии о поэзии, я краснел, как пион, как будто это было что-то запретное, недозволенное мне. В действительности было как раз наоборот: родители всячески поощряли мой интерес к поэтическим произведениям".

Хорошие стихи, настоящая поэзия всегда, по его собственному признанию, крайне действовали на всю его эмоциональную сферу, так, что ему всегда больших усилий стоило удержаться от слез.

Не эта ли чуткость и острота восприятия поэтического слова обусловили его особый интерес к лирическому жанру и выбор им по завершении обучения в Московском археологическом институте темы своей диссертации: "Русская лирика XVIII века", посвященной творчеству М.В. Ломоносова. Работа, успешно защищенная им в мае 1917 года, к сожалению, не сохранилась.

Однако, как мы знаем, свое истинное призвание и свое оправдание жизни он видел в науке. Поэзия оставалась лишь тайной любовью, о которой он делился лишь с близкими ему людьми, не предполагая, что когда-нибудь она обретет свое значение вне круга его профессиональных занятий».

В архиве РАН хранятся отзывы поэтов и литературоведов, современников Александра Леонидовича: Ю.Н. Верховского, В.Я. Брюсова, Вячеслава Иванова («Вячеслава Великолепного»), П.А. Флоренского, М. Волошина, и многих других.

Вот, например, отзыв **А.Н. Толстого**:

"...Некоторые Ваши стихи (стихов 10-15) не вполне созвучны с нашей эпохой, они отголоски прошлого, но тем интереснее и значительнее они будут в будущем, когда страна войдет в эру коммунизма и тогда можно будет беспристрастно судить о вещах, о которых сейчас приходится судить пристрастно.

Истинное искусство - бессмертно, и Ваши стихи являются плодом большой души и большого художественного чутья, а потому их значение в русской литературе весьма велико.

Ваши стихотворения, особенно чудесные описания природы, представляют и в настоящее время очень большую ценность, и я желал бы увидеть их напечатанными.

Никто из современных нам поэтов не передает лучше вас тончайших настроений, вызванных явлениями природы. Со времен Тютчева в этой области - большой пробел. Ваши произведения должны заполнить его. Я не буду касаться других Ваших более чем удивительных по содержанию и по виртуозному исполнению стихотворений... Их оценка может быть дана только в будущем».

Выдающийся русский ученый и религиозный философ **отец Павел Александрович Флоренский** (1882-1937) так откликнулся на стихи А.Л. Чижевского 1920 году:

«Многие Ваши стихотворения поют, как скрипка, и поэтому уже прекрасны. Но это не все: содержание Ваших стихотворений часто так неожиданно и ново по своему проникновению, что может быть рассмотрено как своего рода поэтическое открытие. Этим владеют лишь лучшие поэты мира. Дай Бог Вам полного совершенства!»

Растения

Какой порыв неукротимый
Из праха вас подьмет в высь?
Какой предел неодолимый
Преодолеть мы задались?

В пустынях экваториальных,
В полярных стужах и снегах,
Сквозь пыток строй первоначальных,
Одoleваете вы прах.

Кому здесь не дано покоя,
А лишь волнение дано,-
Тот знает истину: живое
Затем, чтоб мыслить рождено.

И в шёпоте листов неясном
Тому слышна живая речь,
Кто в мире злобном и пристрастном
Сумел свой слух предостеречь.

О, этот слух мы возлелеем,
Чтоб ваш ответ дошел живым:
"Мы чувствовать, страдать умеем,
Мы мыслить – сознать хотим!"

Калуга, 1920 – Караганда 1948.

«Разнообразие тем и форм Ваших стихотворений, звучание рифм и всего стиха в целом делают Вас одним из замечательных мастеров нашего времени. Работайте над Вашим высоким даром и Вы достигнете вершин русской поэзии!» – писал в 1922 году А.Л. Чижевскому **Валерий Яковлевич Брюсов.**

Сванте Аррениусу

Не потому ль спокойна так природа,
Не оттого ль безумствуем мы так,
Что мраку мысли не видать исхода,
Вселенной же неведом этот мрак.

В ней все так просто, светозарно-ясно:
Рожденье! Смерть! - Блаженный мир во всем.
И вопль души, неистой и страстной,
Увы, смешон пред вечным торжеством!

1920 г. Москва

Сванте Аррениус с женой. Фото из архива А.Л. Чижевского.

Сванте Аррениус – шведский ученый, лауреат Нобелевской премии, создатель теории электролитической диссоциации в растворах электролитов, заинтересовался аэроионами Чижевского, пригласил его работать в свою лабораторию. А.Л. Чижевскому было отказано в уже согласованной поездке, после антисоветского выступления К.Д. Бальмонта за границей.

Интерес к поэтическому творчеству А.Л. Чижевского только возрастает в наши дни. Свидетельство тому – издание в 2013 году сборника стихотворений ученого в серии 100 великих поэтов по версии газеты «Комсомольская правда». Серию публикаций о религиозных мотивах в поэтическом наследии Александра Леонидовича подготовил российско-французский культуролог Валерий Викторович Байдин (19). В 2017 году увидел свет альбома картин и стихотворений А.Л. Чижевского под редакцией и с предисловием В.В. Байдина «Вдохновленный Солнцем» (20).

МИР-ТЕНЬ.

Мы – жалкие рабы своих незрящих глаз,
Неслышащих ушей и ложных ощущений,
Вообразили вдруг, что мир раскрыт для нас
В многообразии бесчисленных изменений.
 Не мир мы познаем, а только тень его,
 А мир закрыт от нас великою стеною;
 Там – царство Господа – вершителя всего,
 Где он ведет борьбу с чернейшим сатаною.
Но заглянуть туда порой дано и нам,
Столь неожиданно, на миг ничтожно краткий,
Что, пораженные, приписываем снам
Увиденное вскользь мучительной укрادкой.

Челябинск, 1943

А.Л. Чижевский. Блики на воде. Караганда. 1953. 23 января. Бумага, акварель.

**«Друзья мои! Я вечно к Вам иду, как к истине первоначальной!»
Вместо заключения.**

В последние годы наблюдается неуклонный рост интереса к творческому наследию Александра Леонидовича Чижевского, в том числе – основам его мировоззрения (20). Вызывает сожаление «затаскивание» естествоиспытателя на зыбкие религиозно-мистические основания (19, 22). Нельзя не согласиться с астрофизиком Б.М. Владимирским (23), что причисление А.Л. Чижевского к адептам живой этики Рериха не имеет под собой объективных оснований. На наш взгляд, мировоззрение А.Л. Чижевского созвучно Эвальду Васильевичу Ильенкову (1924-1979) – трагически погибшему выдающемуся философу, с материалистических позиций решавшему проблему сознания. Э.В. Ильенков в неопубликованной при жизни работе «Космология духа» (24) задавался вопросом: «Что такое мышление – необязательное украшение, красивая плесень на остывающем теле планеты или обязательный атрибут материи?». И отвечал утвердительно: «Как нет мышления без материи, так и материи без мышления».

Приведем слова самого Чижевского:

Вещество.

В земную грудь, где тихо и темно,
А не в эфирные просторы
Поникнешь ты — последнее звено, –
Судеб свершая приговоры.
 О, присмотришься внимательней к Земле,
 И грудью к ней прильни всецело,
 Чтоб снова в зеленеющем стебле
 Исторгнуть к Солнцу дух и тело!
В тревожных человеческих сердцах
И в нежной немоте растений
Восходит к жизни придорожный прах,
Сверкая в бездне воплощений.
 Благословим же дальнюю звезду
 И горсть своей земли печальной!
 Друзья мои! Я вечно к вам иду,
 Как к истине первоначальной.

1921, Калуга; испр. в 1953

Использованная литература.

1. Голованов Л.В. Космический детерминизм Чижевского// Чижевский А. Л. Космический пульс жизни: Земля в объятиях Солнца. М.: Мысль, 1995. С. 5-27.
2. Водолагин А.В. Психопатология Всемирной истории <http://vodolagin-proff.narod.ru/esse/psichopatvsemistor.htm>
3. Вернадский В.И. Несколько слов о ноосфере. (1944).
4. Чижевский А.Л. Физические факторы исторического процесса. Калуга, 1924.
5. Голованов Д.Л. Не проявился ли 22-х летний период и в творчестве самого А.Л. Чижевского? // Тезисы Международной конференции «Физика плазмы в Солнечной системе». 2015.
6. Владимиров Ю.С. Между физикой и метафизикой. Кн.5. Космофизика Чижевского: XX век. 2013. 280 с.
7. Ерохин А. Темные пятна// «Партийная жизнь» № 10. 1964. С. 66-69.
8. Виолетта Баша Земное эхо солнечных бурь - Тюремный роман. (Гулаговские Мастер и Маргарита). © "Модус Вивенди" (русско-итальянское двуязычное издание) © Еженедельник «Мир Новостей» © журнал «Инженер» © Еженедельник «Эра водолея» <http://proza.ru/2005/04/03-97>
9. Разумихина Маргарита. Космическая женщина Людмила Энгельгардт. «Знамя в семье» 4, 2010.
10. Чижевский А.Л. Воспоминания. Тетрадь 13. Москва, 22 января 1964 г.
11. Прасолова Е.Л. Жить гению в цепях не надлежит. Калуга, 1993. 63 с.
12. Семочкина Ольга. А.Л. Чижевский и Калужский государственный педагогический институт имени К.Э. Циолковского <http://suzhdenia.ruspole.info/node/6169>
13. Ягодинский В.Н. Александр Леонидович Чижевский. М.: Наука, 1987. 320 с.
14. Чижевский А. Л. Аэроионы и жизнь. Беседы с Циолковским / Сост., вступ. ст., комментарии, подбор илл. Л. В. Голованова. — М.: Мысль, 1999. — 735 с.
15. Чижевский А. Л. На берегу Вселенной: Годы дружбы с Циолковским. Воспоминания / Сост., вступ. ст., комментарии, подбор илл. Л. В. Голованова. — М.: Мысль, 1995. — 735 с.
16. Чижевский А. Л. Космический пульс жизни: Земля в объятиях Солнца. Гелиотараксия / Сост., вступ. ст., комментарии, подбор илл. Л. В. Голованова. — М.: Мысль, 1995. — 767 с.
17. Валентина Елизарова Из Москвы в Караганду привезли «неизвестного» Чижевского. http://ekaraganda.kz/?id=56620&mod=news_read
18. Голованов Л.В. Поэтические досуги ученого. Предисловие к сборнику стихотворений А.Л. Чижевского (в печати).
19. Байдин В.В. Религиозная лирика Александра Чижевского. Эссе. «Новая Юность» 2014, № 4 (121). http://magazines.russ.ru/nov_yun/2014/4/9b.html

20. Вдохновленный Солнцем. Поэзия и живопись Александра Чижевского / В.В. Байдин. Редактор-составитель, автор предисловия. М.-Калуга: М.: Добрая мысль. 2017. — 216 с., 137 ил.

21. *Звонова Е.Е.* Философско-антропологические воззрения А.Л. Чижевского: Монография. Москва: Макс Пресс, 2014. 164 с.

22. *Звонова Е.Е.* Религиозно-мистические взгляды Циолковского и Чижевского в свете представлений о космическом сознании и концепции космической игры // *Психология и психотехника*, № 3, 2014. С. 329-342.

23. *Владимирский Б.М.* Космическая погода и биосфера. История исследований и современность. М.: URSS, 2017. 112 с.

24. *Ильенков Э.В.* Космология духа.

<http://caute.tk/ilyenkov/texts/phc/cosmologia.html>

Александр Леонидович Голованов, президент РБФ «Гелиос», выступает в штаб-квартире РГО в Санкт-Петербурге на юбилейных чтениях к 120-летию со дня рождения А.Л. Чижевского. Март 2017 г.

Летчик-космонавт СССР, дважды герой Советского Союза **Александр Павлович Александров** и вице-президент РБФ «Гелиос» **Дмитрий Леонидович Голованов** на открытии выставки в Московском планетарии «К.Э. Циолковский, С.П. Королев, А.Л. Чижевский От мечты до старта» в связи с 60-летием начала космической эры. Февраль 2017 г.

Подробности на сайте фонда «Гелиос»: **Чижевский.рф**

УДК 929.52
ББК - 1

Дмитрий Леонидович Голованов

ПОЛИГИМНИЯ ЗА КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКОЙ. Научное и художественно-поэтическое творчество А.Л. Чижевского в условиях заключения и ссылки (1942-1958) / Д.Л. Голованов, А.Л. Голованов. – М.: «Гелиос», 2018. – 45с.

Вопросы и замечания присылайте по адресу: **dm_golovanov@mail.ru**

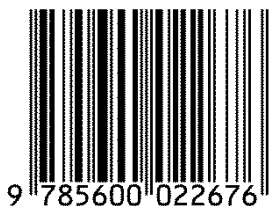
Научный редактор:

Президент фонда «Гелиос» **А.Л. Голованов**

Рецензенты:

Чл.-корр. РАН, доктор географических наук, профессор **К.Н. Дьяконов**
Доктор исторических наук, профессор **Е.Г. Смирнова**
Доктор философских наук, профессор **А.В. Водолагин**

ISBN 978-5-600-02267-6

© Голованов Д.Л., Голованов А.Л., 2018.

© Фонд «Гелиос», 2018.

Тираж 300 экз.

Подписано в печать 01.X.2018.

ЦЕНТР ОПЕРАТИВНОЙ ПОЛИГРАФИИ «ПОСТЕР-МГУ» | print@poster-m.su |
т.+7(495) 774-16-23